

СВЕТОЧ РОССИИ — НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ СССР ТАТЬЯНА ГОНЧАРОВА

Она была учителем от Бога. Если бы снять на плёнку все её уроки, — наверное, отпала бы необходимость учиться в пединституте на историческом факультете. Отбор материала, его подача, её диалоги с учениками, их увлечённость предметом — вся её педагогическая деятельность носит печать таланта. Она была человеком высочайшей культуры и нравственности и никогда, ни на йоту не поступалась своим достоинством. В ту пору, когда каждое слово, произнесённое с трибуны, подвергалось цензуре ЦК КПСС, Татьяна Ивановна Гончарова должна была открывать съезд учителей. Её пригласили в отдел пропаганды ЦК КПСС и предложили... текст выступления. Она гневно взглянула на высокого партийного чиновника и твёрдо сказала:

— У меня есть свои мысли, есть что сказать коллегам, чужими шпаргалками я никогда не пользуюсь...

На следующий день она вышла на трибуну и произнесла блистательную речь. Учителям страны хорошо известны её статьи, её книга «Светочи России». Она сама была педагогическим светочем России.

4 ноября этого года ей исполнилось бы 70 лет.

Татьяна Ивановна Гончарова — человек моего поколения, училась в женской школе, а я учился в мужской. Мы с ней из одного города. Её отец погиб в Великую Отечественную войну. И мой отец погиб в войне с Гитлером.

Помню: ровесницы Татьяны Ивановны приходили в нашу школу на вечера, а мы — в их школу. На вечерах девушки танцевали с девушками, а мальчики с мальчиками. Не знаю, разумно или неразумно разделять образование на мальчишечье и девичье. Но думаю: разумно. Мы, василеостровские хулиганы, относились к девочкам с замечательным почтением.

И девочки были тогда благородны и невинны.

Благородной и невинной ВСЮ жизнь была Татьяна Ивановна Гончарова.

Мы, питерские, все — приехавшие из деревень. У нас город молодой. И, в сущности, неважно, кто когда и откуда приехал, как предки Татьяны Ивановны в начале нынешнего века, а мои в середине прошлого века. Но у питерских всё-таки душа деревенская. И когда Татьяна Ивановна маленькой семилетней девочкой оказалась в эвакуации у бабушки Груни в Тверской губернии, — эта душа распахнулась. Видимо, пребывание Татьяны Ивановны на родине предков, где даже воздух пропитан величием Александра Невского, сказалось на её душе вечным благородством. Так проснулась в ней генетическое чувство русской природы, давшее пищу для воображения, ума, гармоничного образа жизни, ощущения красоты России. Мужчин в деревне не было: все призвались на борьбу с врагом. И семилетнюю девочку поразили женщины-солдатки. Поразили сверхчеловеческим трудолюбием, абсолютным бескорыстием, распахнутостью души, способностью стойко переносить трагедию, чистотой нравов, верностью мужьям-фронтовикам.

Особое влияние на Татьяну Ивановну оказала бабушка, мать отца. Ум, мудрость, высочайшая требовательность к себе, правдолюбие, подвижнический труд, человеколюбие, эстетизм в быту и труде, общении и отдыхе, преданность семейному очагу — такой неизменно вспоминала Татьяна Ивановна свою деревенскую бабушку.

И конечно же, сверстницы и сверстники. Вместе учились и работали, собирали ягоды и грибы в тверском лесу, мечтали, шалили, ссорились, а главное — любили друг друга. И эту любовь пронесли через всю жизнь: Татьяна Ивановна переписывалась с деревенскими друзьями, переписка и встречи не прерывались и тогда, когда Татьяна Ивановна стала знаменитой. Они приезжали проводить её в последний путь.

Деревня военных лет крепко и благородно повлияла на Татьяну Ивановну. В деревне подлецом нельзя быть, потому что все знают: ты — подлец, вор и скотина...

Татьяна Ивановна никогда не совершила ни одного дурного поступка.

По большой любви вышла она замуж и всю жизнь, до последнего дня любила мужа, моего друга Ивана Фёдоровича. В последние месяцы жизни просила друзей: «Не забывают моего Ванечку, заботьтесь о нём: в быту он как дитя. Как он будет без меня?»

Она любила троих своих детей — дочь, близнецов-мальчиков — и всё делала для того, чтобы они были счастливы.

Наше поколение, как мне кажется, было последним романтическим поколением советской эпохи. Коренные питерцы легко расставались с домом. Глеба Горбовского занесло на Сахалин, Глеба Горышина — на Алтай; иные попадали кто на целину, кто на Кольский полуостров, кто в Среднюю Азию.

Что до Татьяны Ивановны, у неё был из ряда вон выходящий путь. После окончания педучилища её распределили на работу в Ленинград, но она предпочла уехать на Камчатку.

Там, на Камчатке, юная учительница увидела то, что можно увидеть только в кошмарном сне: сплошное пьянство, воровство, хулиганство, потрясающую нищету, вымирание людей...

Школы в нашем понимании не было. Было жалкое помещение: всё наперекосяк, обшарпано, загажено. Школу надо было создавать. Родители на просьбу помочь в благоустройстве не откликнулись: спившиеся, они смотрели на ленинградку как на инопланетянку, помогать стали дети. Примером для них была юная учительница: перестилала прогнившие полы, красила, таскала доски, забивала гвозди, рубила брёвна, носила воду, готовила похлёбку для детей и себя, кроила и шила одежду. Дети с улыбкой смотрели, как юная учительница плотничала...

Будто о Татьяне Ивановне писал Ф.И. Тютчев:

Не лёгкий жребий, не отрадный
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.
Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе...

Вот как сама Татьяна Ивановна оценила свои первые педагогические шаги: «Почему вода в море солёная? — спросил меня ученик. Я не знала. От стыда заплакала. Выручили ученики. После этого случая я, кажется, впервые осознала: какое творческое и доброе начало заложено в детях... Надо учить их. Но надо и учиться у них, как это делал Лев Николаевич Толстой».

В деревне всё естественно, в городе всё искусственно. Русская нация столетиями пытается это совместить, и это удалось Татьяне Ивановне. Она научилась близости к природе, тому, что отличает русского человека от так называемого цивилизованного европейца. Проведя три года на краю света, она вернулась восвояси, начала работать в школе-интернате.

Здесь Татьяна Ивановна совершенно чётко осознала, что должна стать для детей, лишённых семейного тепла, матерью.

Ещё на Камчатке пришло неистребимое желание учиться дальше, педагогического училища мало. Татьяна Ивановна поступает на заочное отделение исторического факультета Педагогического института им. Герцена.

В 1957 году пришёл работать в школу-интернат заведующим учебной частью Иван Фёдорович Гончаров. Полюбили друг друга. Поженились. Я смотрю на фотографию: Татьяна Ивановна и Иван Фёдорович — после регистрации брака в окружении друзей. Счастливые. Очень счастливые.

Семья Гончаровых — замечательная. Бывая в ней, я находил только два слова: лад и гармония. Это замечали все, когда видели супругов в повседневной жизни, на торжествах, официальных собраниях.

Дом и дача Гончаровых меня всегда поражали. Богатого убранства нет, но всё дышит красотой и чистотой. Во всём фантазия и безукоризненный вкус хозяйки.

Во время застолий обычно много говорящих. Кого слушают, кого нет. Когда поднималась Татьяна Ивановна, все умолкали и внимали ей, знали, что скажет душевное-предушевное и разумное.

Добросовестнейше и с печатью красоты исполняла Татьяна Ивановна всякое дело: значительное и пустяковое, женское и мужское.

Сказал ей как-то:

— Ведь это тяжко — быть универсалом, неустанным строителем жизни?

— Да нет же, — услышал в ответ. — Это у меня выходит почти само собой, без внешнего напора, но с некоторым напряжением воли. Всё, что улучшает окружающее, мне жизненно-приятно. Понятие «скука» для меня литературное понятие. Я не знаю, что это такое... Но я не заведённая машина. Созерцать мироздание, беседовать с людьми, погрузиться в свою душу, поразмышлять об окружающих, о жизни, её смыс-

ле, сочинять былины, сказки, сценарии для меня — удовольствие. Шедевр Николая Заболоцкого «Не позволяй душе лениться» воспринимаю как лично обращённый ко мне наказ.

Она преподавала историю и обществоведение, весьма важные и сложные предметы, особенно — с нравственной точки зрения. В них было принято, и принято до сих пор, кого-то хвалить, а кого-то осуждать или замалчивать.

В пушкинскую эпоху чувство личной и профессиональной чести было весьма развито, как и чувство достоинства. Потом эти качества начали иссякать. Татьяна Ивановна эту ценнейшую традицию в себе возродила. Вот несколько фактов. Официально требовалось непременно славить революционеров. Татьяна Ивановна изображала их по-разному, не избегая чёрных красок и пастельных тонов, понимая, что революция — это трагедия. Вот она сообщает ученикам факт: М.А. Бакунин гостит у известнейшего немецкого композитора Р. Вагнера. Столуется. Подают вино в маленьких рюмках. М.А. Бакунин наливает вино в большой стакан до краёв, как говорят. Ему подсказывают: так нельзя. Реакция Бакунина: «Какая разница? Что по глотку, что сразу — результат один». Татьяна Ивановна объясняет: вот здесь и сказывается менталитет революционера: всё сразу, но ведь можно проблему решать неторопливо, эволюционно, без потрясений. И чтобы ученики прониклись этой мыслью, рекомендует им специальную литературу: Фюре «Мыслить французскую революцию», Вигери «Христианство и революция», Антуана «Трудная профессия короля».

Декабристов любила. И всё прощала им. И народников — за личную жертвенность. А вот террористов не жаловала. Деликатная, корректная обычно в оценках, тут, однако, говорила: «Мерзавцы: убивали лучших людей России». Поэтическими красками изображала Александра II, Александра III характеризовала как «самого лучшего русского царя».

В своей смелости, правдивости, честности перед историей и детьми Татьяна Ивановна пошла дальше: она не ограничивала детей в вопросах и размышлениях. Завела «Ящик вопросов», куда каждый ученик мог положить любую записку. Потом эти записки раздавала, и ученики же готовили ответы и обсуждали их вместе с Татьяной Ивановной. Это было что-то вроде дискуссионного клуба (после XX съезда КПСС дискуссионные клубы несколько месяцев существовали). А дискуссионный клуб — это не только свобода мышления, это оценка, критика, это разные мнения. Татьяна Ивановна неукоснительно требовала от учеников: на занятие клуба «Знатоки» приходиться только подготовленными — так она воспитывала свободных и в то же время ответственных за свои суждения учеников.

Как единственному в городе народному учителю СССР, ей часто приходилось выступать на разных собраниях, в том числе и на пленумах Ленинградского обкома КПСС. И вот однажды она написала речь о роли учителя в жизни отдельного человека и общества. Её мысль сводилась к тому, что Учитель — не просто учитель, не компьютер, Интернет: он создаёт Человека.

1

Герцен А.И. Былое
и думы: Собр. соч.
В 30 т. М.: Изд-во
АН СССР. 1956. Т. 1.
С. 126–127.

Но ведь такая речь проходила многоступенчатую цензуру: роно, райком партии, гороно, горком партии, отдел обкома партии. А дело было как раз в период борьбы с пьянством и алкоголизмом. Цензоры придрались к цитате из знаменитого стихотворения А.С. Пушкина:

Куницу — дань сердца и вина.
Он создал нас, он воспитал наш пламень.
Поставлен им краеугольный камень.
Им чистая лампада возжена.

Цензоры вычеркнули слово «вина» и дали ей правленную и одобренную речь. Татьяна Ивановна объяснила, что гениального А.С. Пушкина надо давать только в первоизданном виде. Не могла убедить. И тогда она произнесла всё так, как написала.

И так было всегда! И когда она открывала и вела первое пленарное заседание Всероссийского съезда учителей, и когда представляла учительство страны в ЮНЕСКО в Париже. Тому, кто, оправдывая свои неблагопристойности, ссылается на то, что «такое время было», кто оправдывается, — такому цена пятак в базарный день. Среди питерцев всегда существовало убеждение: при самом гнусном строе несколько мест для благородных людей зарезервировано. Одним из этих людей была и Татьяна Ивановна.

Отечественная наука богата блистательными историографами — от Нестора-летописца до В.О. Ключевского. Татьяна Ивановна прекрасно знала это. Но вот любопытная черта нашей словесности: у нас есть блистательные исторические романы, — хотя бы «Война и мир» Л.Н. Толстого, лучший роман мировой прозы. Но зато у нас нет таких крупных исторических романистов, как Вальтер Скотт или хотя бы Александр Дюма. Татьяна Ивановна остросюжетные эпизоды из их романов использовала на уроках, совершенно справедливо считая, что остросюжетность привлекает внимание подрастающего человека к истории. Но зато у нас есть целая плеяда профес-

сиональных исторических романистов, так сказать, второго ряда, о которых, пожалуй руку на сердце, большинство русских людей даже не слышали. Но не таква Татьяна Ивановна. В круге её чтения М.Н. Загоскин, Г.П. Данилевский, Д.Д. Мордовцев, Е.А. Салиас, не говоря уже об А.К. и А.Н. Толстых, Ю.Н. Тынянове, В.Я. Шишкове... Особенно много она читала о декабристах в преклонении перед ними, хотя и знала их «грехи». Но особенно чтит трёх авторов как исторических писателей: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и Д.М. Балашова. В.С. Пикуля читала с интересом, но порой обнаруживала искажения истории, ошибки, — и тогда во время чтения, как Евгений Онегин, делала на полях пометки. Почитала писателя как замечательно-го человека, энтузиаста познания России, патриота, гражданина-стоятеля.

Этот принцип — опора не только на историографов, а и на исторических беллетристов — в высшей степени плодотворен: детям важны не только факты и даты, но и образы и человеческие отношения. Татьяна Ивановна продолжила прерванную традицию Т.Н. Грановского, о котором А.И. Герцен писал: «Грановский сделал из аудитории гостиную... Для этого он не нарядил историю в кружева и блонды, совсем напротив — его речь была строга, чрезвычайно серьёзна, исполнена смелости и поэзии, которая мощно потрясла слушателей...»¹

Она любила А.С. Пушкина, особо выделяла одного из славных его героев — Петра Гринёва, которого А. Григорьев назвал «средним человеком». Героев, подобных Гринёву, Татьяна Ивановна прославляла на уроках истории.

Татьяна Ивановна не только никому не портила жизнь — она всех радовала и всем жизнь украшала. Ею услышан, а главное — воплощён призыв старца Серафима: «Радость моя, молю тебя: стяжи дух мирен — и тогда тысяча душ спасётся около тебя».

Она любила учеников, но и себя не отделяла от них: класс словно сливался

с её повседневным бытиём. По сути, невозможно пригласить всех на квартиру около Парка Победы. Но и есть настоящая добродетель: приглашать, когда места не хватает. И Татьяна Ивановна весь класс привозила на дачу, где катались на лыжах, беседовали на важные и неважные темы, просто дурачились, отдыхали. Приглашала и на квартиру: здесь ученицы и ученики учились изысканному вкусу, умению превратить самую обычную квартиру в Дом духовности.

У Татьяны Ивановны для страждущего и жаждущего место всегда находилось. Дневали и ночевали родственники и друзья, просто знакомые во время командировок, приездов на конференции, в отпускное время.

Доброму человеку непременно присуще сострадание. Когда прогнали бывшего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС, а потом Секретаря ЦК и члена Политбюро Г.В. Романова, его разбил инсульт. Но по гостевому билету он попал на XXVII съезд КПСС, делегатом которого была Татьяна Ивановна. Г.В. Романов выглядел тяжело больным человеком. Естественно, к нему никто из бывших партийных товарищей не подошёл: теперь он в опале. Татьяна Ивановна подошла к нему, учтиво поздоровалась, поговорила, пожелала выздоровления, посоветовала не забывать Ленинград, на прощание тепло пожала руку.

Правда — явление нравственное. Открыто противостоять лжи, фальши, обману — это мужество. Татьяна Ивановна всегда шла по этому пути. Когда цензоры журили её, она читала А.Т. Твардовского:

Одна неправда нам в убыток
И только правда ко двору.

Правда и достоинство поддерживают друг друга. Татьяна Ивановна всегда хранила своё достоинство, достоинство своего народа, достоинство страны.

Татьяна Ивановна владела пленительным, проникающим в душу голосом,

речевой культурой, запредельной искренностью — всё это вызывало уважение к ней, побуждало слушателей с доверием относиться к её убеждениям.

Я часто думаю, почему так рано Татьяна Ивановна оставила нас? В жизни она знала радость, веселье, счастье. Была плясуньей, хороводила на школьных вечерах, приёмы друзей в доме наполняла мажором, праздничным настроением. На фотографиях выражение её лица чаще всего с налётом грусти. Да, она не была бодрячкой, будучи всех скорбящих заступницей. В этом — её духовное родство с Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, нашим замечательным современником В.Г. Распутиным: на фотографиях они всегда грустны, лишены самодовольства. Отчего это? От нестерпимой боли за людей.

Мне думается, что и ушла она преждевременно в мир иной, потому что целиком отдавала себя людям, шла без внешнего зова на помощь...

Просвещение в её лице понесло невосполнимую утрату. Но её образ — один из лучших русских образов — живёт в душах тысяч людей, а её программа и книга «Свечечки России» заняли достойное место во множестве школ России. Россия никогда не забудет и того, что Татьяна Ивановна вместе с мужем Иваном Фёдоровичем создавала благороднейшее всероссийское движение «Русская современная школа». Сейчас, когда школе так туго, когда она находится в полной нищете, стало ясно: у нас благородные учителя. Работают, по сути, без зарплаты, но как работают — нередко вдохновенно, творчески! Но вот что разумом не одолеть: школы называют именами выпускников — Ю. Гагарина... Почитают и врачей. Есть бараки Боткина, больница Отта. Но ведь и космонавта, и врача, и героя, и учёного воспитывал учитель. И они стали известными именно оттого, что у них были хорошие учителя. Странно, обидно и несправедливо... И вот первая ласточка: 536-я школа Санкт-Петербурга названа именем учителя, который никаких должностей не занимал. Родители, их дети — ученики, учителя так пожелали. Потому что Татьяна Ивановна была чистой, возвышенной, прекрасной и в учениках вызывала прекрасное не только правдой науки, но и своей личной душевно-духовной красотой. В ней сполна воплотился один из лучших типов русской женщины. Соперников у неё не было — завистники были. Она увлекала, она очаровывала.

Школьники перед выпускным вечером обсуждали вопрос, как почтить одухотворённое самобытное служение Татьяны Ивановны, — и выбрали большую бронзовую медаль, на оборотной стороне которой написали: «Самой незабываемой».

Началась «перестройка». Комитет образования, руководимый неозападником Е. Лебедевым, как бы заживо похоронил Татьяну Ивановну. Её словно не было в жизни. Не так поступали ученики: ей звонили, советовались, её поздравляли, приходили с цветами. В День учителя давние выпускники школы решили в честь Татьяны Ивановны устроить почётный концерт.

Жертвенное отношение к ученикам, любовь к ним, как к родным детям, превратили школьные будни в счастливую жизнь — и это не могло не «огончаровывать» питомцев народной учительницы.

Во время тяжелейшей болезни, которая в конце концов разлучила нас с Татьяной Ивановной, она очень страдала. Только подумать: 6 мучительнейших онкологических операций.

Татьяна Ивановна всегда была городской женщиной. Она так любила свою семью и, зная, что умирает, написала им нечто вроде завещаний, или некие заветы. Это — толстая тетрадь. Татьяна Ивановна настолько велика душой, что писала не о своих мучениях, — она писала своему мужу, детям, внукам и внуку, зятю и невесткам, сватам о своей любви к ним. Ангел есть ангел! И я не стесняюсь, говоря, что лучше её я никого не встречал на своём длинном жизненном пути. В моём кабинете самый крупный портрет — это портрет Татьяны Ивановны. И я отчитываюсь перед нею, и стесняюсь перед нею.

Грех пересказывать исповеди-завещания этой Великой Женщины...

Нельзя без волнения, того более — без слёз читать эти слова — слова сердца, разума, мудрости.

Татьяна Ивановна оставила нам не только программы, статьи, книги, множество учеников и последователей — она оставила нам свой Образ.

И мы вослед за В.А. Жуковским говорим:

О милых спутниках, которые нам свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью — были...

Русский народный учитель Татьяна Ивановна Гончарова обладала важнейшими православными добродетелями:

— Любовью как зиждительным принципом жизни.

— Упованием как путеводной звездой, которая ведёт нас от рождения до смерти.

— Верой — источником всех добродетелей.

Она из тех праведников, без которых не может жить Русская земля.

Царство ей небесное и вечный покой.

Александр Панченко

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Общественно-политические, педагогические и социально-психологические условия формирования нравственных отношений между учителем и учащимися в отечественной школе первой трети XX века

Людмила Абрамова, доцент кафедры педагогики и психологии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, кандидат педагогических наук

Формирование нравственных отношений между учителем и учащимися в начале XX века происходило в сложных общественно-политических, организационно-педагогических и социально-психологических условиях под влиянием: политики правительства в области образования, развернувшегося общественно-педагогического движения (до 1917 г.), демократических преобразований и неподготовленности учителей, нехватки школ, изменения её функций (1917 — начало 20-х гг.), перегрузки учителей несвойственными им функциями, усилением классовой идеологии, приобщения учеников к общественной морали в совместном труде со взрослыми на производстве (20–30-е гг.).